

Последняя же строка снимает актуальность этого мира, нарушает исходные лирические предпосылки. Она выходит за пределы мира говорящего и никаким психологическим движением внутри этого мира объяснена быть не может.

Р. Якобсон считает последнюю строку ироничной: «Без сверхъестественного вмешательства другую такую любовую героине встретить вряд ли еще придется» [16]. (Ср. и И. Бродского:

Как дай вам бог другими — — — но не даст.)

Такая трактовка справедлива, если понимать гипотетическую модальность как неререферентность высказывания в мире говорящего (совпадающем с реальным миром). Если же считать ее показателем референтности в другом возможном мире, то иронический подтекст не возникнет. Скорее (VI) иронична по отношению к самому говорящему: как всякая переключающаяся концовка, она воплощает чужой текст, несовместимый с ролью говорящего и потому ироничный («А может, это и не я»).

В целом анализ пушкинского текста приводит к следующим выводам.

Стратегией поэтического текста является переключение — перенос референции в другие возможные миры. Показателем переключения является контрастная смена модальных значений. «Полемика модальностей» происходит на уровне фраз (высказываний), строк и строф.

Финальное переключение есть переключение в Е-мир. Оно «различает» мир говорящего с другим возможным миром, т. е. допускает мир, нарушающий презумпции говорящего. Такое переключение не может произвестись сам говорящий, оно может реализоваться только в форме чужого текста. Поскольку Е-мир различен со всяким наличным миром, он «отсутствует» и в чужом тексте. Тем самым постулируется внетекстовый мир, или реальный универсум, не совпадающий с областью семантической референции. Различение определяет текст как только текст и делимитирует его.

В то же время «различение» не есть «разрыв» (rupture), как считает Деррида. Наоборот, специфика поэтического текста — в его «референтной силе». Демонстрируя отсутствие и «нехватку» отсутствующего, текст свидетельствует о существовании и определенности того, что отсутствует. Поэтический текст проявляет себя как негативный семантический индекс: демонстрирует дополнительность означаемого к означаемому. С этой точки зрения незавершенность и неполнота смысла принципиальны для поэтического текста: это показатели существования внетекстового смысла и референции к этому смыслу.

Негативная детерминация референта характерна для малых жанров фольклора — пословицы, загадки, заговора [17]. Ср.: *Не все золото, что блестит; Не военный, а со шпорами; Там, где петухи не поют*. В этих примерах отрицается не денотативное, а категориальное тождество референта с его обозначением: речь идет не о минерале, не о человеке и не о местности. Такое отрицание равнозначно переключению: оно устанавливает другую референтную область. Текст индексирует те референтные значения, которых не выражает. В этом сходство лирических и малых жанров и в этом их «эпиграмматическое» качество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Derrida J. La dissémination. P., 1972.*
2. *Ильин И. П. Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы // Семиотика. Коммуникация. Стил: Сборник обзоров. М., 1983. С. 193.*
3. *Томашевский Б. Теория литературы. Л., 1925. С. 193.*
4. *Smith V. H. Poetic Closure. A Study of how Poems End. Chicago, 1968. P. 255.*
5. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.